

МЕЛЬЕ

Хачик Нишанович Момджян

Французское Просвещение XVIII века

М.: Мысль. 1983. С.64-88

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Предисловие

Социально-политические и идейные предпосылки французского просвещения XVIII века

Фонтенель

Мелье

Монтескье

Вольтер

Руссо

Ламетри

Дидро

Гельвеций

Гольбах

Вольней

Маршалль

Французский материализм — один из идейных источников

утопического социализма и коммунизма XIX века

Библиография

Веб-публикация: Martine-Gabrielle и редакторы библиотеки Vive Liberta и

Век Просвещения, 2010. Книга выложена по главам, персональная библиография

добавлена к соответствующим главам; ссылки для скачивания даны

в нашем сообществе и в библиотеке.

Подборка материалов: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#meslier>

Выходец из семьи деревенского ткача, Мелье, осуществляя волю родителей, стал служителем религиозного культа. С 1689 года и до конца своих дней выполнял обязанности кюре в маленьких деревушках Этрепиньи и Балева (провинции Шампань). Выполнял он эти обязанности без особого рвения и старательности, без священного трепета и волнения. Мелье отлично осознавал, что проповедуемые им с церковного амвона премудрости не только ложны, но и приспособлены к тому, чтобы ввести в заблуждение бесправный, поработанный господами простой люд, примирить его со своей тяжелой и унижительной судьбой.

Из скудных сведений о Мелье известно, что все его симпатии были на стороне простых людей. Он близко к сердцу принимал обиды и оскорбления в адрес крестьянской бедноты. Как сообщают биографы мыслителя, защищая интересы своих прихожан, Мелье поднял голос протеста против местного феодала — сеньора Антуана де

Тулли, который с особой хищностью был занят вымогательством и порабощением крестьян, делая их жалкую жизнь невыносимой. Когда предельно обострились отношения между владельцем деревни Этрепиньи Антуаном де Тулли и его крестьянами, Мелье в нарушение установленного порядка перестал в своих молитвах упоминать имя сеньора. Последний обжаловал поведение Мелье. Конечно, поддержав сеньора, архиепископ Рейнский кардинал де Майн предложил Мелье отдавать должное помещику. Указание своего начальства Мелье выполнил, но весьма своеобразно. С амвона церкви он сказал: «Вот какова обычно судьба бедных сельских священников; архиепископы, которые сами являются сеньорами, презирают их и не прислушиваются к ним, у них есть уши только для дворян. Помянем же сеньора нашего селения и помолимся о нем. Попросим бога, чтобы он обратил его сердце и даровал ему благодать не обращаться дурно с крестьянами и не грабить сирот»¹. Это выступление дорого стоило Мелье. С еще большим гневом обрушилось начальство на мятежного кюре.

Скончался Мелье в 1729 году при невыясненных до конца обстоятельствах. Существует версия, согласно которой он покончил жизнь самоубийством. В бумагах покойного было обнаружено необычное завещание. Мелье обращался не к родственникам, говорил не о своих личных делах, не о распределении наследства (да и богатств особых он не оставил после себя). Завещание было адресовано крестьянам прихода, французскому народу, всем униженным и поработанным людям. «Завещанию» суждено было стать памятником эпохи, важнейшим документом французского Просвещения и материализма XVIII века, декларацией войны против феодализма и абсолютизма, призывом покончить с частной собственностью и смело шагнуть вперед, к коммунистически организованному обществу.

«Завещание» состояло из многих сотен страниц. Как бы извиняясь перед соотечественниками, Мелье писал: «Дорогие друзья, мне нельзя было при жизни открыто высказать то, что я думал о порядке и способе управления людьми, об их религиях и нравах, это сопряжено было бы с очень опасными и прискорбными последствия-

¹ Мелье Ж. Завещание, т. III. М., 1954, с. 427.

ми; поэтому я решил сказать вам это после своей смерти»².

Рукописные экземпляры «Завещания» вскоре начали распространяться в Париже. В популяризации антиклерикализма Мелье значительную роль сыграл Вольтер. Узнав впервые о нем в 1735 году, Вольтер очень заинтересовался автором «Завещания». Он писал Тирю 30 ноября 1735 года: «Что это за деревенский священник, о котором вы мне пишете?.. Как! Священник, француз — и такой же философ, как Локк?»³

В 1762 году Вольтер издал извлечения из «Завещания». Важно отметить, что, не разделяя материализма и воинствующего атеизма Мелье, а также его утопическиммунистических взглядов, Вольтер опускал страницы «Завещания», посвященные этим проблемам, и пропагандировал лишь антиклерикальные идеи Мелье⁴. Десять лет спустя после вольтеровского издания Гольбах анонимно опубликовал рукописи Мелье под названием «Здравый смысл юре Мелье». Власти предавали огню эти издания, но интерес к Мелье возрастал по мере обострения политической и идеологической борьбы в дорволюционной Франции. В письме к Э. Дамилавиллю от 6 июля 1764 года Вольтер сообщает, что лишь «в одной из провинций были розданы триста экземпляров Мелье, которые дали много новообращенных»⁵.

После победы революции Мелье имел много сторонников в наиболее левых кругах борцов за новую Францию.

Выступая на заседании национального конвента 17 ноября 1793 года, известный революционер Анахарсис Клоотс в следующих словах выразил свое отношение и отношение своих многочисленных сторонников к памяти Жана Мелье: «...общепризнанным является, что про-

тивники религии имеют великие заслуги перед родом человеческим. Именно по этим соображениям я требую для первого отрекшегося священника статуи в храме Разума. Достаточно назвать его, чтобы получить соответствующий декрет Национального конвента: это — неустрашимый, благородный, образцовый Жан Мелье, священник из Этрепиньи в Шампани, философское «Завещание» которого внесло смятение в Сорбонну и в среду всех христопоклоннических групп. Память этого благородного человека, подвергавшаяся хуле и бесчестью при старом режиме, должна быть реабилитирована при режиме природы»⁶. Согласившись с Клоотсом, Конвент единодушно постановил воздвигнуть памятник Жану Мелье, «первому священнику, который имел мужество чистосердечно отречься от религиозных заблуждений»⁷.

Объемистое «Завещание» Мелье касается большого числа проблем: экономических, политических, правовых, нравственных, философских, религиозных. Читая труд Мелье, на первый взгляд может показаться, что автор взялся за перо для изложения в первую очередь своих философских и атеистических взглядов. Основания для такого предположения имеются, если учесть преобладающее внимание, которое уделяется в завещании проблемам философии и религии. И тем не менее нам представляется, что пафос «Завещания» — разоблачение той убогой, отвратительной, жестокой и несправедливой жизни, людских взаимоотношений, которые Мелье имел возможность наблюдать каждодневно. Совершенно справедливо академик В. П. Волгин подчеркивал, что «ключ к пониманию «Завещания» — в его социально-политических идеях»⁸.

На многих страницах своего труда Мелье воспроизводит безотрадную картину жизни простого народа, и в первую очередь крестьянских масс, их полуголодную жизнь, их жестокое порабощение со стороны помещиков и королевской власти. Простые люди работают день и ночь, работают в каторжных условиях, они лишены всего необходимого, влачат жалкое существование, для того чтобы незначительная часть общества могла прожить жизнь, пользоваться всеми благами, безмерно обо-

² Мелье Ж. Завещание, т. I. М., 1954, с. 55.

³ Цит. по: Мелье Ж. Завещание, т. III, с. 404.

⁴ В феврале 1762 г. Вольтер писал Ж. д'Аламберу: «В Голландии напечатано «Завещание Жана Мелье». Это лишь весьма небольшое извлечение из «Завещания» этого священника. Читая его, я дрожал от ужаса. Свидетельство священника, который, умирая, просит прощения у бога в том, что наставлял людей в христианской вере, может сослужить большую службу либертинам» (см. Мелье Ж. Завещание, т. III, с. 405). Следует отметить, что Вольтер в одном искажает правду: Мелье просил прощения не у бога, которого не признавал, а у народа.

⁵ См. там же, с. 417.

⁶ Там же, с. 419.

⁷ Там же, с. 420.

⁸ Волгин В. П. Вступительная статья к «Завещанию» Мелье, т. I, с. 13.

гащаться. Все против ограбленного народа: король, его шумно веселящийся двор, аристократы разных рангов, церковь, суд, армия, большие и малые командиры, судьи, чиновники, интенданты. «Не будем говорить, — продолжает Мелье, — о бесчисленном множестве другой сволочи, как-то: канцелярские чиновники, контролеры, откупщики податей, стражники-смотрители, регистраторы, судебные приставы, сыщики — все они, словно голодные волки, только ищут, как бы сожрать свою добычу, и только и знают, что грабят и терзают бедные народные массы, прикрываясь именем и властью короля»⁹.

Выражая умонастроения поработанных народных масс дореволюционной Франции, Мелье сосредоточивает свои удары на господствующих сословиях, которые узурпировали основное богатство нации — землю и получили возможность заставить работать на себя тех, кто земли лишен и вынужден идти в кабалу, соглашаться на крепостной труд, чтобы не умереть от голода. Феодалская собственность, утверждает Мелье, не имеет никакого правового и морального основания. Она — результат захвата, грабежа.

Естественно, в рассматриваемую эпоху Мелье не мог еще знать объективных исторических законов, которые с неизбежностью обусловили возникновение феодальных отношений, феодальной собственности на средства производства. Мелье жил и боролся в эпоху, когда феодальная собственность, феодализм в целом из некогда исторически прогрессивной ступени общественного развития успел превратиться в косную, реакционную систему, с нарастающей силой превращающуюся в тормоз всякого прогресса. С полным основанием Мелье имел право утверждать, что никакие своекорыстные законы не могут придать правомерности тому факту, что земля не принадлежит тем, кто ее обрабатывает, а является узурпированным достоянием тех, кто не знает и не хочет знать трудовой деятельности. Мелье с порога отвергал как-либо ссылки на наследственные права феодалов на землю. От того, что награбленное юридически оформляется, передается по наследству, оно не становится естественным и законным. Мелье твердо верил, что придет время, когда все феодальные установления будут растоптаны разгневанным народом, будет уничтожена также

феодалская форма собственности, а вместе с ней всякая частная собственность.

Отрицание феодализма сочталося у Мелье с решительным отрицанием и монархической формы правления. Если десятилетия спустя не только Монтескье и Вольтер — представители умеренного крыла французского Просвещения XVIII века, но и Дидро и его единомышленники будут искать приемлемую форму монархии, например просвещенную монархию, то Мелье не признает никакой монархии, ибо власть одного всегда опасная власть. Может быть, когда-либо и были разумные императоры, не злоупотреблявшие своей властью, но это время давно и навсегда прошло. Обращаясь к народам, Мелье призывал смело подыматься против коронованных тиранов и свергать их с престолов. «... Постарайтесь объединиться ... — писал он, — чтобы окончательно стряхнуть с себя иго тиранического господства ваших князей и ваших царей; ниспровергните повсюду все эти троны несправедливости и нечестия, разможжите все эти коронованные головы, сбейте гордость и спесь со всех ваших тиранов и не допускайте, чтоб они когда-либо царствовали над вами»¹⁰. Этот призыв был услышан восставшим французским народом шестьдесят четыре года спустя после смерти Мелье, и Людовик XVI был казнен.

Не трудно заметить, что освобождения народа автор «Завещания» искал на путях революционного уничтожения как феодализма, так и деспотизма. Мелье понимал бесперспективность разрозненных выступлений против господствующего порядка. Он призывал поработанных объединить свои усилия, действовать организованно и смело, не только рассчитывать на угрозы применения насилия, но и применить его для низвержения ненавистных порядков.

Многokrатно Мелье предупреждает, учитывая печальный опыт многочисленных разрозненных локальных выступлений угнетенных в дореволюционной Франции, о необходимости согласованных действий, создания единого плана атаки старого режима: «Если бы весь народ, все города и все провинции пришли к единодушию, если бы они все сговорились между собой, чтобы всем освободиться от общего рабства, в котором находятся. Тогда тираны были бы быстро сметены и уничтожены»¹¹. Ме-

⁹ Мелье Ж. Завещание, т. III, с. 354.

¹⁰ Там же, с. 356.

¹¹ Там же, с. 360.

лье-революционер дает советы для обеспечения успеха восстания; обращает внимание на искусство конспирации, на необходимость предварительной разъяснительной работы среди народа, на важность распространения запрещенной властями литературы.

Многочисленные призывы автора «Завещания» низвергнуть, уничтожить аппарат власти привилегированных феодальных сословий были оценены некоторыми буржуазными деятелями как анархизм, как принципиальное отрицание им государственной власти. Известный советский ученый Б. Ф. Поршнев в своей талантливой книге о Мелье опроверг эту ошибочную версию. «Анархистские издательства и сочинители, — писал Поршнев, — давно уже, едва откопав Мелье, как вурдалаки, вцепились в него. Широко пошла басня о Мелье как предтече анархизма»¹². И далее привел убедительные данные, опровергающие вымыслы об анархизме Мелье. Призывая низвергнуть антинародную власть в лице королей, герцогов, наместников и губернаторов, Мелье предлагает посадить «на их место добросовестных, кротких, умных и дальновидных правителей, чтобы они управляли вами мягко и подтверждали для вашего счастья в вашей среде мир и справедливость»¹³. Таким образом, речь идет не об упразднении государственной власти вообще, а об упразднении феодального государства.

Что касается системы управления делами общества после победоносной революции, то Мелье ни в какой степени не ставил под сомнение необходимость этой системы. Французский мыслитель-революционер, правда, не был в состоянии сколько-нибудь обстоятельно охарактеризовать будущую власть. Однако для Мелье было бесспорно, что она должна быть властью самого народа, что она призвана обеспечить коренные его интересы, защищать завоевания революции от всех возможных попятных движений бывших господ. Он не скрывал своих симпатий к республиканской форме правления, но не давал сколько-нибудь развернутой ее характеристики. Одно ему было известно твердо: «Более умные должны управлять другими, они должны установить добрые законы и издавать распоряжения, направленные всегда, — во всяком случае, соглас-

но условиям времени, места и обстоятельствам, — к преуспеянию и соблюдению общественного блага»¹⁴.

Возможно, что относительно скромное место, уделенное Мелье проблеме государства будущего, было обусловлено верой в то, что уничтожение частной собственности, а следовательно, и исчезновение различных враждующих между собой социальных сил должны намного упростить управление обществом.

Остановимся специально на самой фундаментальной идее в учении Мелье — на проблеме установления общественной собственности и упразднения классового деления общества.

В историю общественной мысли своей эпохи Мелье вошел не только как самый радикальный критик феодализма и абсолютизма, но и как защитник коммунистического идеала. В той исторической ситуации отсутствовали реальные условия для возникновения научной концепции коммунизма. Учение Мелье о коммунизме также оказалось утопичным. И тем не менее оно явилось полным отрицанием всех форм социального неравенства, призывом покончить с порабощением человека человеком, с привилегиями эксплуататорских классов, к упразднению самих этих классов.

На уровне знаний своего времени Мелье не мог объяснить подлинные причины возникновения классов, классового неравенства, что не помешало автору «Завещания» выступить против имущественного и социального неравенства людей, объявить его вопиющим нарушением естественного права. «Одни, — писал Мелье, — как бы рождены только для того, чтобы деспотически властвовать над другими и вечно пользоваться всеми удовольствиями жизни; другие, наоборот, словно родились только для того, чтобы быть нищими, несчастными и презренными рабами и всю свою жизнь изнывать под гнетом нужды и тяжелого труда»¹⁵.

Мелье отвергает всякие попытки оправдать существование привилегированных сословий личными достоинствами и заслугами людей, относящихся к этим сословиям. Не одаренность, трудолюбие, отвага и другие добродетели породили власть имущих. Опираясь, в частности, на Жана де Лабрюйера, автора знаменитой книги «Харак-

¹² Поршнев Б. Мелье. М., 1964, с. 167.

¹³ Мелье Ж. Завещание, т. III, с. 361.

¹⁴ Там же, с. 356.

¹⁵ Мелье Ж. Завещание, т. II. М., 1954, с. 154.

теры или нравы этого века» (1688), Мелье воспроизводит «добродетели» господствующей знати, ее праздную, паразитическую жизнь, ее отвратительные поступки и дела, ее моральный кодекс. Нет, заключает Мелье, господствующая в настоящем и в прошлом знать обязана всеми своими привилегиями обману и насилию. Отвергая всякие софизмы в защиту исконного неравенства людей, автор «Завещания» утверждает со всей категоричностью: «Все люди равны от природы. Они все в равной степени имеют право... на свою естественную свободу и свою долю в земных благах, все должны заниматься полезным трудом, чтобы иметь необходимое и полезное для жизни»¹⁶.

Мелье отлично понимает, что недостаточно прославления добродетели и осуждения социального зла, чтобы приобщить всех людей к полезному труду, сделать их равными и свободными. Для осуществления этой великой задачи необходимо упразднить частную собственность на землю. «...Люди, — пишет Мелье, — присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на равных правах и пользоваться ими точно так же на одинаковом положении и сообща»¹⁷.

Наличие частной собственности на землю Мелье считает основой социального зла, неравенства людей, порабощения одних людей другими, источником ненависти и борьбы между людьми. Частная собственность развращает богачей, делает их более жадными, способными на самые изощренные плутни, на самые жестокие дела. В свою очередь те, у кого ничего нет или у кого нет самого необходимого, как бы «вынуждены волей-неволей прибегать ко многим неблагоприятным средствам для того, чтобы существовать. Отсюда возникают обманы, мошенничества, плутни, несправедливости, хищения, кражи, налеты, убийства, разбой, грабежи, причиняющие великое зло людям»¹⁸. Мелье достаточно отчетливо осознает ту бесспорную истину, что если не преодолены земные, материальные причины, которые порождают зло, то все слова, проповеди, самые вдохновенные и убедительные, не в состоянии покончить со злом.

Идея установления равенства в экономических отношениях для коренного преобразования всей системы социальных и нравственных отношений, бесспорно, знаменовала шаг в сторону материалистического объяснения общественной жизни, но, как увидим ниже, Мелье оказался здесь непоследовательным, ибо слишком переоценивал роль заблуждений, и в первую очередь религиозных заблуждений, в возникновении и узаконении несправедливых экономических отношений, в возникновении и утверждении частной собственности.

Рассуждения Жана Мелье о необходимости уничтожения частной собственности для создания справедливого, истинно человеческого общества, бесспорно, перекликаются с идеями коммунистов-утопистов прежних веков, и в частности с мыслями Томаса Мора. Последний писал: «...где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел...»¹⁹

Известно, что Мор, не веря в возможность упразднения частной собственности в современном ему мире, перенес эту коренную реорганизацию человеческого общества в несуществующую страну, на остров Утопия. Несколько иначе обстоит дело с Жаном Мелье. Последний, как мы уже отметили, призывал своих современников революционными мерами упразднить частную собственность, ниспровергнуть строй, где она существует и деформирует жизнь людей²⁰.

Отдавая должное Мелье, подчеркивая его подвиг, нельзя вместе с тем не отметить, что его программа в условиях XVIII века также оставалась утопической, нереализуемой, ибо на очереди дня в XVIII веке не стоял и не мог стоять вопрос о переходе к коммунизму. Речь шла о переходе к капиталистическому обществу. Во времена Мелье не могли быть еще созданы объективные материальные условия для упразднения частной собственности и перехода к обществу, к производству, основанному на общественной собственности на орудия и средства производства. Характерно, что, поднимая вопрос об упразднении частной собственности не только в деревне, но и в городе, Мелье не мог даже представить,

¹⁶ Там же, с. 155.

¹⁷ Там же, с. 198.

¹⁸ Там же, с. 203.

¹⁹ Мор Т. Утопия. М., 1953, с. 95.

²⁰ Dommanget M. Le curé Meslier, attée, communist et revolutionnaire sous Luis XIV. Paris, 1965.

как будут выглядеть город будущего, промышленное производство, лишенное частнособственнической основы. Не случайно в «Завещании» этот сюжет почти отсутствует. В центре внимания Мелье коллективистские организованные деревни, точнее, объединенные крестьянские общины, основанные на общественной собственности.

Предпринимались попытки изобразить Мелье пророком, зовущим назад, к общинной организации производства и быта, к исторически давно прошедшей ступени общественного развития. Так, на международном коллоквиуме, посвященном анализу идейного наследия Мелье (Реймс, 1974), некоторые участники пытались сделать вывод, что автор «Завещания» звал идти назад, а не подниматься на новую ступень общественного развития. Подобные трактовки коренным образом искажают суть и историческую роль Мелье. Решительная, бескомпромиссная критика феодализма, королевской власти, частной собственности и социального неравенства со стороны Мелье «работала» на революцию, на исторический прогресс, несмотря на утопичность многих ожиданий автора «Завещания».

Многие главы «Завещания» посвящены критике религии и церкви. Это обусловлено тем, что Мелье, как и все другие французские материалисты, особо выделял роль религии и религиозных организаций в освящении и защите феодальных отношений и абсолютизма. Господствующее социальное зло, неравенство людей, порабощение незначительным числом людей целого народа, деспотическая власть находят свое обоснование и оправдание в религиозных догмах. Порой, заходя очень далеко, Мелье даже полагал, что ряд социальных несправедливостей и злоупотреблений порождены самим религиозным мировоззрением. Для Мелье и его единомышленников было очевидно, что невозможно бороться против несправедливого социально-политического строя, его правовых и нравственных установлений, не срывая с них ореола святости, богоданности, вечности.

Но прежде чем сказать о взглядах Мелье на религию, на ее сущность и социально-политическую роль, следует несколько остановиться на оценке автором «Завещания» идеалистической философии, которая с полным основанием рассматривалась им как логическая основа религиозного мировоззрения. Само собой разумеется, что эта критика могла быть реализована и была реализована

на основе воинствующего, бескомпромиссного материализма.

Знакомство с «Завещанием» показывает широкий интерес Мелье к передовой общественной мысли прошлого, его знакомство с идеями французского, итальянского, голландского свободомыслия XVI—XVII веков. Особо сильное впечатление на Мелье произвели труды Спинозы и Декарта.

Опираясь на физику Декарта, на учение Спинозы о единой субстанции — природе, Мелье выдвинул достаточно стройную систему материалистических и атеистических идей, заостренных против идеализма и религии. С уверенностью можно сказать, что автор «Завещания» сформулировал многие важнейшие принципы французского материализма XVIII столетия.

Начнем с того, что Мелье провозгласил материю единственной субстанцией, употребляя выражение Спинозы, существующей сама по себе, не имеющей ни начала ни конца, вечной в пространстве и во времени. Все существующее является свойством и формой существования этой вечной и несотворенной материи. Те или иные формы сознания суть свойства материи, зависят от нее, сама же материя объективна, существует вне и независимо от какой бы то ни было формы сознания. Материя в процессе непрерывного и бесконечного своего развития порождает все богатство и разнообразие бесконечной и вечной Вселенной. Такова исходная философская позиция Мелье. Она исключает не только идею сотворения материального мира божественным духом, богом, но и идею первого толчка, который будто бы сообщается материи деистическим богом.

Человечество, по глубокому убеждению Мелье, не нуждается ни в каком сверхъестественном духовном существе для объяснения возникновения и существования материального мира. Вечность, несотворенность и неуничтожимость являются атрибутивными качествами материи. «...Нельзя, — пишет Мелье, — не признать существование бытия, и, более того, надо также признать, что бытие существовало всегда и, следовательно, никогда не было создано»²¹. Конкретизируя свою исходную философскую мысль, Мелье констатирует: «...необходимо признать первоначальное бытие, от которого получились все

²¹ Мелье Ж. Завещание, т. II, с. 320.

вещи, которое находится во всех вещах и к которому в конечном счете все вещи сводятся; и вот ясно, что материальное бытие находится во всех вещах, что все вещи происходят от бытия материального и что все вещи в конце концов сводятся к материи, т. е. бытию материальному»²².

Несотворенное бытие неуничтожимо. Материя, не имеющая начала, не может иметь конца. Ни грана материи не уничтожается, ни грана материи не возникает, идет лишь трансформация вещества, его переход из одного качественного состояния в другое.

Идея несотворенности материального мира, идея его первичности и вечности делали беспредметной мысль о божетворце. Материя вопреки утверждениям субъективных и объективных идеалистов, вопреки примитивным построениям Ветхого завета и других религиозных учений не есть порождение духовного начала. Со всей определенностью и категоричностью Мелье свои рассуждения о материи и духе резюмирует в словах: «Таким образом, возражение, предполагающее без доказательства и без основания, что материальное бытие было создано бытием нематериальным и божественным, есть возражение пустое»²³.

Мы уже отметили, что Мелье отстаивает идею единства материи и движения, расходясь в решении этой важнейшей философской проблемы с учением Спинозы. Наверно, было бы точнее сказать, что Мелье по этому вопросу договаривает то, что не было сказано голландским мыслителем. Известно, что в философской системе Спинозы движение не фигурирует в качестве атрибута материи, т. е. неотъемлемого свойства субстанции. Такими свойствами, атрибутами являются лишь протяжение и мышление. Что касается движения, то Спиноза рассматривает его как модус, правда, как модус бесконечный. Эта важная оговорка не снимала, однако, существенного противоречия в системе Спинозы: с одной стороны, учение о лишенной движения субстанции, с другой — констатация вечного движения, присущего единичным вещам.

Чтобы быть точными, отметим, что первым в печати с критикой этого противоречия спинозизма выступил в

начале XVIII века английский материалист Джон Толанд. В «Письмах к Серене» он упрекал Спинозу в том, что последний не разъяснил, «что такое движение, не сумел показать, каким образом разнообразие отдельных тел возможно примирить с единством субстанции или с однородностью материи во вселенной»²⁴. Большая заслуга Толанда заключалась в том, что он обосновал единство материи и движения²⁵.

По всей вероятности, Мелье не знал работ Толанда и, нужно полагать, самостоятельно пришел к той же самой идее. Мелье утверждает, что материя не нуждается в толчке извне, чтобы прийти в движение и породить все многообразие мира. Нет материи вообще, есть движущаяся материя. Если невозможно представить движение без материи, то столь же невозможно допустить материю, лишенную движения.

Следует отметить, что, говоря о движении как о всеобщем свойстве материи, Мелье не сближает, не отождествляет движение с развитием, с изменением вообще. Многие его рассуждения близки к этой констатации, но тем не менее, говоря о движении, Мелье преимущественно имеет в виду перемещение тел в пространстве. Несформированный диалектический взгляд на движение как на реализацию внутренних противоречий материи, конкретных форм ее существования доставляет Мелье немалые затруднения. Не скрывая их, он пишет: «Я хорошо знаю, что нелегко представить себе, что заставляет материю двигаться, что заставляет ее двигаться тем или иным образом, с той или иной силой или скоростью. Я не могу понять возникновение и действительное начало этого движения, признаюсь в этом»²⁶.

Но чтобы не дать восторжествовать своим противникам, не дать им утверждать, что непознанное начало и есть бог, Мелье отчетливо подчеркивает, что незнание причины какой-нибудь вещи нисколько не доказывает отсутствия этой вещи и не дает основания заменить ее иррациональными, мистическими измышлениями. «Наши богопочклонники, — пишет Мелье, — напрасно приписывают начало движения материи пресловутому всемогущему

²² Там же, с. 323.

²³ Там же.

²⁴ Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений, т. I, М., 1967, с. 146.

²⁵ См. *Мееровский Б. В.* Джон Толанд. М., 1979.

²⁶ *Мелье Ж.* Завещание, т. II, с. 313.

ству Бога, так как, если бы он и существовал, он не мог бы и сам двигаться, будучи неизменен по своей природе»²⁷.

Если учение о единстве материи и движения отвергло идею теистического и деистического бога, допущение существования всякой сверхъестественной «творческой» силы, то не менее острые и обоснованные атеистические выводы вытекали из учения, согласно которому сознание может быть лишь свойством особо и высоко организованной материи. Мелье уделил очень много внимания опровержению попыток представить душу, сознание самостоятельной субстанцией. Сознание не субстанция, а лишь особое свойство материи. Полемизируя с картезианцами, указывая на их темные, противоречивые и запутанные суждения о самостоятельной духовной субстанции, Мелье замечает: «Выход из этой трудности остается только один — предположить, как я это сделал, что только видоизменения материи создают все наши мысли, все наши ощущения и все наши познания»²⁸.

Отвергая субстанциональность души, Мелье стремится опровергнуть идею о бессмертности души и связанные с нею измышления о загробной жизни, с помощью которых в течение веков угнетатели всех рангов, верная им церковь, всевозможные религиозные учения и организации стремились примирить поработенных с тяжелой своей участью в надежде на потусторонние воздаяния за покорность и терпение. Не скрывая своей цели, Мелье многократно, в различных выражениях повторяет и доказывает, что «душа не является ни духовной, ни бессмертной, как об этом толкуют наши картезианцы»²⁹.

Отстаивая идею первичности и вечности материи, подчеркивая ее объективное существование, Мелье одновременно с оптимистической верой в силу человеческого разума утверждал способность человеческого сознания воспроизвести правильную картину объективного мира, постепенно раскрыть тайны природы, вооружить людей истинными знаниями, сделать их сильнее в борьбе за завоевание лучшей жизни.

С этих позиций познавательного оптимизма Мелье выступает против агностических концепций, и в частности против пирронизма. Мелье отвергает абсолютиза-

том» Мелье уже опровергнута и не имеет никаких шансов на возрождение. Ныне задача заключается в том, чтобы возможно точнее выяснить степень и границы влияния философии Мелье на различные передовые социально-политические силы, подготовившие и осуществившие Великую французскую революцию. Мы не можем забывать, что эти силы при общей антифеодальной позиции существенно различались между собой по своим философским убеждениям и социально-политическим идеалам. Указанное обстоятельство не могло не предопределить избирательное отношение к идеям Мелье. Вспомним, что уже Вольтер, публикуя «Завещание», сделал тщательный отбор, оставив преимущественно антиклерикальные высказывания Мелье и опустив его крайне радикальные материалистические и атеистические суждения, в особенности коммунистические мечты.

Более спорным является вопрос о влиянии Мелье на Ламетри, Дидро, Гельвеция и Гольбаха. В литературе возник спор о том, знали ли последние о «Завещании» в 40-х годах XVIII века, когда формировались их материалистические и атеистические убеждения. Вполне правдоподобной кажется версия, согласно которой названные мыслители не могли не знать Мелье, если учесть, что «Завещание» в рукописи имело достаточно широкое хождение в Париже. Больше того, как это неопровержимо доказано, Ламетри, не называя имени Мелье, упоминает о его существовании и направлении его мыслей. Есть и будут еще, наверно, обнаружены новые данные, свидетельствующие о знании идей Мелье французскими материалистами школы Дидро еще в 40-х годах XVIII века. Однако знать Мелье еще не значит быть его учеником и последовательным сторонником его идей. Вольтер знал о Мелье еще в 30-х годах, а затем опубликовал в сокращенном виде идеи «Завещания», но никому не придет в голову зачислять Вольтера в ученики Мелье.

Но может быть, то, что нельзя сказать о Вольтере, можно сказать о Ламетри, Дидро, Гельвеция и Гольбахе? Основательное изучение философских и социально-политических взглядов названных мыслителей показывает, что формирование их мировоззрения произошло без влияния Мелье. Тот, кто исследовал, например, творческую эволюцию Дидро и Гельвеция, хорошо знает теоретические истоки их учений. Это сенсуализм Локка, физика Декарта, социально-политические и социально-

²⁷ Там же, с. 413.

²⁸ Мелье Ж. Завещание, т. III, с. 275.

²⁹ Там же, с. 278.

философские идеи Монтескье и Вольтера, достижения естественных наук. Можно к сказанному добавить и наследие французской этической мысли предыдущего века. Не только в опубликованных работах Дидро и Гельвеция, но и в их переписке, относящейся к 40-м годам, нет упоминания о Мелье. Картина несколько изменяется к 60-м годам, но к этому времени французский материализм школы Дидро уже вполне сформировался и нет необходимости и основания считать Дидро и Гельвеция учениками Мелье.

Таким образом, не следует легенде о «забытом Мелье» противопоставлять версию, согласно которой чуть ли не все выдающиеся французские философы-материалисты XVIII века были учениками или по крайней мере людьми, испытывавшими формирующее влияние Мелье. Ламетри, Дидро, Гельвеций, Гольбах отдавали должное интеллектуальному подвигу Мелье, его антифеодальному пафосу, его борьбе против квазиценностей религиозного мировоззрения с позиций материализма и атеизма, но, повторяем, шли они к материализму и атеизму своим путем, независимо от Мелье, а в вопросах социально-политических приходили к выводам весьма умеренным по сравнению с его взглядами.

При оценке идейного наследия Мелье, степени и границ его влияния следует в полной мере учесть социально-классовую дифференциацию в среде французских просветителей XVIII века. Общая антифеодальная направленность сопровождалась глубокими расхождениями по целому ряду кардинальных философских и политических проблем. Эта сторона вопроса достаточно основательно освещена в литературе о французском Просвещении XVIII века. Быть может, менее ясно выявлены идейные расхождения внутри самого французского материализма XVIII века. Эти расхождения представляются нам столь существенными, что мы считаем возможным говорить о двух течениях, о двух потоках внутри этого материализма.

Одно из них имеет своим началом материализм Мелье и его последователей накануне и в период революции. Есть основания назвать это направление общественной мысли народно-демократическим материализмом, учитывая его социально-классовые основы. Мелье, как позднее левые якобинцы — эбертисты, «бешеные», бабувисты, выражал интересы социальных низов, кре-

стьянской бедноты, ремесленников, рабочих. Отличительная черта народно-демократического материализма и атеизма заключалась в тесном единстве его не только с эгалитаристскими идеями, но и с требованием упразднить общество, основанное на любой форме частной собственности. Впервые в истории общественной мысли у Мелье, а с той или иной последовательностью и у его сторонников материалистическая философия соединилась с коммунизмом, правда, как мы уже отметили, с коммунизмом, утопически понятым.

Коммунистический идеал Мелье продолжал жить и развиваться во многих крайних левых политических течениях в период Великой французской революции. В фундаментальном исследовании советского ученого А. Р. Иоаннисяна³⁷ с полной отчетливостью раскрывается «вторая жизнь» Мелье в период революции, распространение его коммунистических идей. Когда Ру, Леклер, Варле и другие «бешеные» заявляли, что свобода не что иное, как пустой призрак, пока один класс людей может безнаказанно угнетать и морить голодом другой, они продолжали социально-политическую концепцию Мелье, выражали мысли и ожидания великого социального философа Франции.

Наиболее убежденным защитником философской социально-политической направленности идей Мелье в период Великой французской революции был Сильвен Марешаль. В начале своей творческой деятельности Марешаль был восторженным сторонником Руссо, эгалитаристом. Но по мере размежевания различных течений революционной мысли Марешаль совершает переход от эгалитаризма к коммунизму Мелье. Этот переход облегчался и тем, что еще в период восторженного отношения к политическим взглядам Руссо Марешаль, как и Мелье, был материалистом и атеистом и не разделял деистических взглядов ни Руссо, ни последователя его философии Робеспьера.

Таким образом, народно-демократическая социальная философия Мелье пронизывает все наиболее радикальные, левоякобинские течения в период Великой французской революции, включая и бабувистский коммунизм. Эти факты, на наш взгляд, опрокидывают версию о «забытом Мелье».

³⁷ См. Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в период французской буржуазной революции. М., 1966.

Другое направление французского материализма XVIII века было представлено именами Ламетри, Дидро, Гельвеция, Гольбаха. Это направление несколько условно можно назвать школой Дидро. По своим социально-политическим устремлениям школа Дидро выражала интересы основных масс французской буржуазии кануна и периода самой революции. Эти массы видели свою задачу в избавлении от феодализма и абсолютизма и установлении «справедливого строя», который был не чем иным, как исторически прогрессивным буржуазным строем, шедшим на смену феодализму. Многие из них резко отрицали коммунистический идеал. Вот почему представители школы Дидро проявляли большую симпатию к материализму и атеизму Мелье, но не к его социальной философии. Близкие к учению Мелье идеи о социальном и имущественном равенстве людей, об утопически понятом коммунизме выражали выдающиеся мыслители XVIII века Морелли и Мабли. Но ни тот, ни другой специально не разрабатывали философских проблем и поэтому не могут быть отнесены к школе Дидро.

Мы остановились на некоторых существенных различиях, которые имелись в программных установках двух направлений французского материализма XVIII века, на их социально-философских расхождениях в понимании будущего. Различия касались и других не менее важных вопросов, например вопроса о путях достижения желанного общества. Представители второго направления были сторонниками идеи просвещенного монарха, который в соответствии с их идеалами постепенно, предпочтительно мирными средствами покончит с вековыми социальными несправедливостями. Иначе рассуждал Мелье. Он не верил в монархов ни в обыкновенных, ни в просвещенных. Он знал, как цепко держатся за свое «право» поработать простой народ не только феодальные вельможи, их слуги и чиновники, но и городские и сельские богатеи, все, кто живет за счет тяжелого труда простого народа, знал, что не станут они внимать словам правды и справедливости. Насилию нужно противопоставить насилие. Заканчивая «Завещание», Мелье писал, что те, кому будет суждено просвещать и вести народ к свободе, должны покончить с монархией, со всеми, кто поработает народ.

Народно-демократическая направленность мыслей Мелье значительно отличала его атеизм от просветитель-

ского атеизма, и в особенности от тех представителей последнего, которые сомневались в возможности вывести из невежества весь народ. Мелье же писал «Завещание» в первую очередь для порабожденного народа, верил в его разум, в его способность различить истину и ложь в философских, мировоззренческих вопросах, ибо эти вопросы стали острыми вопросами жизни.

Мелье, как и представители просветительского материализма, не освободился, что было уже сказано, от «теории обмана», от учения, согласно которому религиозные утверждения и сказания были специально созданы для обмана угнетенных. Но у Мелье чаще, чем у других атеистов-просветителей, встречается мысль о том, что предрасположили к идее богов-спасителей тяжкие условия жизни.

Справедливость требует отметить, что установление связи между возникновением религии и социальным неравенством было осуществлено не Мелье, а его сторонниками — представителями народно-демократического атеизма, и в первую очередь Сильвеном Марешалем. При этом Марешаль имеет в виду не только страх людей перед силами природы, но и страх неразумного, несправедливо организованного общества с его делением на богатых и бедных, господ и слуг. Многократно Марешаль возвращается к мысли, что в отдаленные времена, когда люди жили в условиях раннего патриархального общества, не расколотого еще на враждебные силы, свободного от страха человека перед человеком, они не испытывали потребности в религиозном утешении, в религиозных иллюзиях. «Разве, — пишет Марешаль, — думают о том, в чем не испытывают никакой нужды? И разве ощущаешь необходимость в боге, когда имеешь отца, жену, детей, друга, когда имеешь руки, глаза и сердце?»³⁸ Бог, заявляет Марешаль, — это порождение человеческого несчастья. Когда люди были счастливы, они не подозревали о существовании бога. Сквозь наивные представления о «золотом веке», о полном блаженстве людей этого сказочного времени пробивается правильная идея о роли социального зла, несправедливости, порабощения в процессе возникновения и развития религиозного сознания. Эти поиски внутренней связи между

³⁸ Марешаль С. Избранные атеистические произведения. М., 1958, с. 31—32.

социальной придавленностью и религией, религиозным утешением занимают заметное место в материализме и атеизме школы Мелье.

К сказанному можно добавить, что если критика религии у Дидро, Гельвеция и Гольбаха была в первую очередь связана с разоблачением деспотической формы правления, феодальных отношений, то представители народно-демократического материализма и атеизма резко нападали на религию и церковь, разоблачая в их лице защитников не только феодальной, но и всякой другой формы эксплуатации. В «Завещании» Мелье, а еще определеннее в работах бабувиста Марешаля все явственнее дает себя знать ненависть к магнатам, которые без титульных гербов сосредоточивают в своих руках огромную власть — власть денег.

Говоря о различных направлениях французского материализма и атеизма XVIII века, об их специфических социально-философских установках, было бы ошибкой изолировать друг от друга эти два потока прогрессивной, революционной мысли, имевшей общего врага — реакционный феодальный строй, королевский деспотизм, религиозное мировоззрение. Одно из этих течений ограничивало свою задачу исторически достижимой целью: упразднением абсолютизма, уничтожением феодализма и переходом к исторически прогрессивному буржуазному строю. Другое направление, вполне разделяя стремление к уничтожению ущербных, реакционных социальных отношений и институтов, было устремлено в отдаленное будущее и мечтало о недостижимом еще обществе фактически равных и свободных людей.

Утопичность вряд ли может бросить тень на благородство мечты. Мелье выразил безмерные страдания, мысли и чувства самой порабожденной части народа, ее светлую мечту о добром и прекрасном.

Мелье Ж. Завещание. М., 1925. Вступительная статья А. Деборина.

Мелье Ж. Завещание. М., 1937. Вступительная статья А. П. Гарины.

Мелье Ж. Завещание. Т. 1—3. М., 1954. Вступительная статья В. П. Волгина.

Ардабьев А. И. 300-летие Жана Мелье. — Вопросы философии, 1964, № 10.

Бирало А. А. Социальные и идейные истоки утопического коммунизма Мелье, Морелли и Мабли. — Труды Института философии АН БССР, вып. 1. Минск, 1958.

Волгин В. П. Революционный коммунист XVIII в. (Жан Мелье и его «Завещание»). М., 1924.

Деборин А. М. Жан Мелье (К 225-й годовщине со дня смерти). — Вопросы философии, 1954, № 1.

Джаймурзин А. Материализм Жана Мелье. — Из истории философии. АОН при ЦК КПСС. Ученые записки, № 28, 1957.

Домманже М. Социальные истоки мировоззрения Мелье. — История социалистических учений. Сб. статей памяти В. П. Волгина. М., 1964.

Кучеренко Г. С. Жан Мелье и передовая общественная мысль Франции первой половины XVIII в. — Французский ежегодник 1965. М., 1966.

Кучеренко Г. С. Жан Мелье и энциклопедисты. — Новая и новейшая история, 1966, № 5.

Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII в. М., 1968.

Носов А. В. Жан Мелье — основоположник революционно-демократической идеологии во Франции. — Философские науки, 1964, № 5.

Поршнев Б. Ф. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1955.

Поршнев Б. Ф. Мелье. М., 1964.

Танов И. Выдающийся французский просветитель-атеист (Мелье). — Народное образование, 1964, № 8.

Федин Я. Я. Бессмертное наследие французского атеиста. Жан Мелье и его «Завещание». — Природа, 1964, № 7.

Цебенко М. Д. Жан Мелье и его «Завещание». — Наука и жизнь, 1955, № 8.

Ям К. Е. Жан Мелье и французский атеизм XVIII в. М., 1979.

Meslier J. Testament. Ed. R. Charles, Vol. 1—3. Amsterdam, 1864.

Daurty J. Un grande précurseur: le curé Meslier. — La Pensée, 1965, N 24.

Deprun U. Jean Meslier et l'héritage cartésien. — Studies on Voltaire and the eighteenth century, t. XXIV. Genève, 1963.

Dieckmann H. The Abbé Jean Meslier and Diderot's Elevation romanes. — Harvard Library Bulletin, 1953, p. 231—235.

Dommanget M. Le curé Meslier. Athée, communiste et révolutionnaire sous Louis XIV. Paris, 1965.

Etudes sur le curé Meslier. Actes du colloque international d'Aix-en-Provence. 21 novembre 1964. Paris, 1966.

Etudes sur le curé Meslier. Actes du colloque international d'Aix-en-Provence. 1976. Paris, 1978.

Gaspar A. Le curé Meslier. — Socialisme, 1956, N 17.

Gruenberg K. Jean Meslier, un précurseur oublié du socialisme contemporain. — Revue d'économie politique, v. II. Paris, 1884.

Haar J. Jean Meslier und die Beziehungen von Voltaire und Holbach zu ihm. Hamburg, 1928.

Jolly F. Jean Meslier, curé d'Étrepigny. — Etudes ardennaises, 2-me année, N 8, janv. 1957.

Maïon B. Jean Meslier, communiste et révolutionnaire. — La Revue Socialiste, 1884, N 44, v. VIII.

Marchal J. Étrange figure du curé Meslier. 1664—1729. Essai du profil psychologique. Charleville «L'Ardeennais», 1957.

Maurin Ch. Au sujet de Jean Meslier curé d'Étrepigny. — Ardenne hebdomadaire, 1-er fevr. 1957.

Petifils E. Un socialiste-révolutionnaire au commencement du XVIII-e siècles. Jean Meslier. Paris, 1905.